

Н О В Ы Й М И Р

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

г. Москва

№ 2—3

1940 г.

Из переписки А. П. Чехова с Н. А. Лейкиным

(НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПИСЬМА)*

★

14. Н. А. ЛЕЙКИН — А. П. ЧЕХОВУ

14—15 ноября 1885 г.
2 часа почт.
С.-Петербург.

Уважаемый Антон Павлович!

Получил Ваше письмо от 10 ноября¹ и спешу отвечать Вам на него. Иначе как ночью не мог выбрать времени — занят по горло.

Из 4 Ваших подписей (большое спасибо за них) пригодилась три и сданы В. И. Порфирьеву. От Николая Павловича рисунка не получено. В рисунках нуждаюсь страшно. Поторопите его. Подпись, которая дана ему для рисунка, теперь уже негодна. Она какими-то судьбами появилась в № 44 «Будильника». Не думаю, чтобы ее туда отдал Н. П., но предполагаю, что ее взял «Будильник» из того же источника, как и мы, то-есть из иностранного журнала. Во всяком случае, был-бы рисунок, а подпись найдем и новую.

С Агафоподом я, действительно, несколько церемонился до сих пор, не бракуя его угнетенных чиновников, но теперь буду браковать. В самом деле, эта тема уже жевана и пережевана.

Теперь о Менделевиче². По моему, это совсем бездарность и даже лентяй. Он не стыдится присылать мне такие стихи, где рифмуется чуть-ли не «самовар» с «подсвечником». Кроме того, темы до того избиты, что даже злость берет. При встрече с ним внушите ему, чтобы он, по крайней мере, был-бы усидчивее и подбирал бы хоть рифмы-то настоящие.

В Москву к Вам приеду тогда, когда премию из Берлина пришлют. Велю вставить картины в золотые рамки (картины, действительно, очень недурные), привезу в Москву и повешу напоказ публике в книжных магазинах «Но-

вого времени» и А. Л. Васильева. Думаю, что картины пришлют скоро. Два экземпляра, имеющиеся у меня, выставлены уже в Петербурге.

Насчет бедности природы моего именища вы ошибаетесь. Местность самая живописная. Имению мое на реке Тосне при впадении ее в Неву. Берег высочайший. От пароходной пристани надо подниматься ступень сорок. Берег сам по себе высокий, но дом мой стоит, кроме того, еще и на горе. С балкона видны окрестности верст на 40. В глазах самое широчайшее место Невы (версты полторы). В полуверсте, где Нева суживается, пороги. В моем участке, кроме того, имеется глубокий овраг (место в хозяйственном отношении хотя и бесполезное, но живописное) и на дне его ручей. Берега реки Тосны мне принадлежит 40 сажень. Есть и лесок маленький у меня, но кроме моего леса в версте от меня имеется казенный сосновый бор, верст на 30, откуда в прошлую субботу забежал ко мне в усадьбу волк, и мой караульный даже стрелял по нем, как он мне сообщает, но дробью убить не мог, а только ранил и заставил убежать.

Вот вам подробности. А затем все. Устал. Надо ложиться спать. Будьте здоровы! Жму вашу руку.

Н. Лейкин.

¹ Это письмо Чехова к Лейкину неизвестно.

² В письме от 30 сентября 1885 г. Чехов рекомендовал Лейкину Родиона Абрамовича Менделевича... «человек забитый, голодающий, представляющий собой нечто бесформенное и неопределенное: не то аптекарь, не то портной». Чехову понравились его стихи, и он предложил Менделевичу написать несколько стихотворений на пробу, которые и отослал Лейкину («Письма», I, 154). О том, как Чехов «устранял его и вводил в новые редакции, вспоминает Р. А. Менделевич в своих «Клочках воспоминаний» («Раннее утро», 1914, 2 июля).

15. А. П. ЧЕХОВ — Н. А. ЛЕЙКИНУ

[1885] 5, XI, 17.
[Москва]

Уважаемый

Николай Александрович!

Сей посыла посылается в ответ на Ваше письмо. У меня беда! Новая квартира оказалась дрянью: сыро и холодно. Если не уйду из нее, то наверное в моей груди разыграется прошлогодний вопль: кашель и кровохарканье. Перебраться же на новую квартиру страшнее всего. Изволь я опять тратиться на переезды, переноски, на перемену адресов. На Якиманке есть квартира, как раз против меня. Пойду завтра глядеть ее. Тяжела ты, шапка Мономаха! Жить семейно ужасно скверно.

Однако и Вы соблазнились премией¹. Чтож? Это не мешает.. Обещание (в объявлении) обратить особое внимание на художественный отдел — штука хорошая и необходимая. Начет Гагафода. Вы не бракуйте его угнетенных чиновников, а напишите ему, а то он не будет знать, в чем дело. Николай болен. Рисульки постарается выслать в самом скором времени. Еще что? Пожалуй, еще о Пет. Газ. Сделайте милость, скажите, что мне нужно сделать, чтобы упредить аккуратную получку гонорара? Послал я счет 23 октября — ноль внимания. Повторил счет две недели тому назад — то же самое. А аккуратное получение гонорара для нашего брата важнее коли-

чества гонорара. Если получаешь мало, то по одежке протягиваешь ножки, если же получаешь много, но сюрпризно, на манер татя в ножи, то поневоле запутаешься в своих финансах.

Погода у нас великолепная. 26-го числа еду в Звенигород на освящение новой земской больницы. Вместе с приглашением получил обещание, что после молебна закуска будет необычайная. Предвкушаю.

Если будете у Худекова², то замолвите словечко за меня. А за сгм пребываю уважающим

А. Чехов

Моя подпись начинает принимать определенной и постоянной характер, что я объясняю громадным количеством рецептов, которые мне приходится писать — конечно, чаще всего gratis.

А по моему Менделевич не бездарность. Ему всего только 19 лет. Он служит мальчиком у брата своего портного.

¹ В «Осколках» в объявлении о подписке на 1886 год была обещана бесплатная премия, состоящая из двух больших художественно выполненных по заказу в Берлине олеографических картин бытового характера под названием «Шалуны».

² Худеков Сергей Николаевич (1837—1929) — редактор-издатель «Петербургской газеты», журналист, драматург.

16. Н. А. ЛЕЙКИН — А. П. ЧЕХОВУ

Н. А. Лейкин.

С.-Петербург

Николаевская ул., № 48.

20/21 ноября 1885 г.

Уважаемый Антон Павлович.

Я к Вам с большой претензией... За что Вы второй год подряд прямо перед подпиской «Осколкам» ногу подставляете? «Оск.» Вам все таки дают определенный гонорар в месяц, «Оск.» как-бы то ни было свели Вас и с «Петерб. Газетой». Стало быть, по моему, всеми путями следовало бы способствовать успеху «Осколков» и стараться делать так, чтобы они были оригинальны, не походили ни по составу своих сотрудников, ни по другому чему-либо на прочие юмористические журналы, конкурирующие с ними и хоть по некоторым своим сотрудникам стояли вне конкуренции. А Вы делаете наоборот. Все это я к тому клоню, что сегодня, получив № 45 «Будильника», к несказанному моему удивлению и прискорбю, увидел за Вашей подписью рассказ «Тапер». Целый год Вы не писали в «Буд.» или по крайней мере не выставляли Вашей подписи, а перед самой подпиской Вас словно прорвало! В прошлом году было то же самое. Вы сунули на подрачку «Будильника» и «Развлечения» по два-три рассказа. А публика глупа. Видя раз Ваш рассказ в журнале, она может думать, что Вы и постоянно будете писать в нем.

Я очень хорошо вызнал публику за 26 лет моей литературной деятельности и знаю, что как-бы ни был плох сотрудник (а вы все-таки сотрудник талантливый), на него, т. е. на сотрудника всегда найдется и свой подписчик, который специально на него, т. е. сотрудника, подписывается; стало-быть иметь специально своего сотрудника, не работающего в других тожественных журналах, очень важно. Повторяю: я это изучил и таким сотрудникам предоставляю все льготы в журнале. Я помещаю почти все, что-бы они ни написали, готовя для их статей место в журнале, оставляя статьи других сотрудников, даже срочные, залеживаться, и наконец даже приурочиваю этих сотрудников к журналу, насколько это позволяет средства журнала, маленькой ежемесячной определенной прибавкой к гонорару на цензурные протори и убытки в виде помарок. Будь у «Осколков» большие средства, я приурочивал бы моих сотрудников большими прибавками, но оказывается, что сотрудники этого не понимают или не хотят понять и стараются делать увеличение и прибавки им невозможными. Своим появлением перед самой подпиской и во время подписки (в Декабре и Январе) в «Будильнике» и «Развлечении» Вы и Пальмин сделали то, что в 1885 году я утерля против 1884 года около четырехсот подписчиков (это между нами), так по крайней мере мне думается. На 1886 год Вы опять собираетесь поднести этот же сюрприз «Осколкам».

Скажите, отчего Вам было не прислать это-го «Гапера» в «Осколки»? Он тотчас же был в них напечатан без очереди, если-бы Вы об этом попросили, был-бы напечатан даже вместе с другим рассказом «Старость» и деньги за него были-бы высланы даже авансом, если-бы Вы того захотели. Или в «Буд.» Вам больше платят? В чем, впрочем, сомневаюсь. Я понял бы сотрудничество Ваше в «Будильнике» тогда, если-бы Вы были так плодovitы, что все то, что Вы напишите, «Осколки» не в состоянии-бы были поместить, но Вас и для «Осколков» то подчас не хватает. И что такое «Будильник»? Поместит он Вас в Декабре и в Январе на 60—70 рублей, а потом и помещать не станет, ибо он расчетлив, ему выгоднее пробавляться в остальные месяцы разным даровым хламом, присылаемым из провинции.

Обидно. Простите я вылил свою обиду может быть не совсем в сдержанной форме, но это уже так вылилось.

Конверт Ваш с мелочишкой получил, получил и письмо от 5 Ноября... «Помеха»¹ — очень плохая мелочишка, решительно ничего не выржающая, но она все-таки пойдет. «Дипломатия»² тоже подгуляла, но тоже, при случае, уйдет.

Получив Вашу жалобу на невысылку денег из «Петерб. Газеты», я тотчас-же поехал в контору и заявил об этом Худекову. Тут просто случай. В первых числах Ноября управляющего Конторою «Пет. Газеты» разбила лошадь и он не ходит в контору, о письме Вашем ничего не сообщил младшим конторщикам. Деньги будут высланы 21 или 22 Ноября. Говорил Худекову и о том, чтобы он сделал распоряжение о высылке Вам денег аккуратно по окончании каждого месяца. Обещал.

В Москву я не поеду потому, что премию не могу получить из Берлина, а мне хотелось бы приехать в Москву с образцами премии в золотых рамках и вывесить их в главных книжных магазинах.

17. А. П. ЧЕХОВ — Н. А. ЛЕЙКИНУ

28/XII 1885 г.
[Москва]

Ну, добрейший и гостеприимнейший Николай Александрович, наконец таки я сел за стол и пишу Вам. Поездка в Питер и праздничная галиматья совсем сбили меня с толку. Дела по горло, но сядешь писать — не пишется; то и дело начало зачеркиваться; к больному надо ехать — проспичь или за писанье сядешь... Чтобы не сбиться с панталыку, буду писать по пунктам:

1) Все поручения исполнены с подобающими точностью, скоростью и педантизмом:

а) Ступину¹ переданы книги по дороге с вокзала. Квитанция послана Вам 26 декабря.

б) Левитану передан заказ купно с наставлением. Внушено ему, что он не знает военных фельдшероу, и рекомендовано впредь за решением вопросов жанро-бытового свойства являться ко мне, на что он дал полное свое со-

Вот и выдавать премию заставили меня мои сотрудники. Чем мне пооригинальничать, чем выставить себя с особенной присущей только «Осколкам» стороны, если и сотрудники мои и художники те-же самые что и в «Буд.», в «Стрекозе», в «Развлечении»? Вот я и оригинальничая хорошей премией, такой премией, какую, я уверен, не выдаст ни «Буд.», ни «Развл.», ни «Стр.» Я выдаю две отличные олеографии (жанр) в аршинную величину каждая и выдаю даром, не требуя ни приплаты за премию, ни за пересылку, между тем как другие журналы («Буд.», «Развл.», «Стрекоза») берут за премию рубль или полтора рубля приплаты.

Все. Будьте здоровы.

Н. Лейкин.

Р. S. В Москве буду никак не позже первых чисел Декабря.

Р. S. У меня хранится с прошлого года Ваш святочный рассказ «Сон»³. Он несколько мистичен, но я попробую исправить его несколько, и он все-таки пойдет на святках. Вы, может быть, забыли об этом рассказе, но рассказ этот большой.

Вы у меня просили какой-то год «Осколков» (комплект). Сообщите какой. Приеду в Москву, так привезу.

А от Ник. Павловича все-таки нет рисунка. Узнайте пожалуйста адрес художника Левитана⁴. Я пошлю ему темы и закажу несколько страниц рисунков. Ужасно нуждаюсь в рисунках.

¹ Рассказы «Помеха» и «Дипломатия» в печати так и не появились.

² Рассказ «Сон» был напечатан в «Петербургской газете» за 1885 г. № 354, 25 декабря.

⁴ В ответном письме от 23/XI 1885 г. («Письма», I, 159) Чехов сообщает адрес художника Адольфа Ильича Левитана, брата известного художника-пейзажиста (...кетати говоря, Левитан в Москве нравится. Рисовальщик он не из плохих...).

гласие. Был он у меня два раза. Между прочим, просил меня убедительно, чтобы я написал Вам, что ему до зареза нужно 40 руб. Сам он написать Вам стесняется страха ради иудейского. Если можно выслать, то вышлите. Авансы противная материя, но сорок рублей не великие деньги.

с) Амфитеатрова² видел и от Вашего имени предложил ему не посылать в Осколки того, что похерено Будильником. Сказал: «Хорошо».

д) У Печковской уже есть вывеска на раме. Баба удивилась, когда ей была предложена вывеска, и сказала, что Вы уже дали ей одну вывеску. Насчет того, что она возбудила в Вас греховные вожеления, я ей ничего не говорил: неловко было при народе...

е) Гиляровского еще не видел. Когда увижу, то передам ему Ваше поручение относительно книгопродавца, взявшего с уступком 50%.

ф) Касательно драматического гонорара и векселя Гудвилевича жду дальнейших распоряжений.

2) Сегодня послан Вам не совсем удавшийся новогодний рассказ. Хотел написать покороче и испортил.

3) Ваши наблюдения по части Московской журналистики проверяю.

4) Виденные мною порядки Петербургских редакций воспеваю, где только возможно. Вообще воспеваю весь Петербург. Милый город, хоть и бранят его в Москве. Оставил он во мне массу самых милых впечатлений. Очень возможно, что в данном случае, в суждении своем о Питере, мои мозги подкуплены. Ведь жил я у Вас, как у Христа за пазухой. Все мое питерское житье состояло из сплошных приятностей и не мудрено, что я видел все в розовом цвете... Даже Петропавловка мне нравилась. Путаница в голове несосветимая: Невский, старообрядческая церковь, диван, где я спал, Ваш стол, Билибин, Федя, толстый ментранпаж, полотенца на стенах, борода Тимофея, Борель, Пакин, земляные груши, сиг, перинка для Рогульки и Апеля, Сенной рынок, Лейферт... Ясно очерченной картины нет, а все какие-то отрывки. Что ясно помню, так это рыло Апеля Апелевича и целодневное, молчаливое созерцательное хождение Феди по комнатам, остальное же в тумане, точно сон. Этим туманом я обязан Вам, ибо в какие-нибудь три дня Вы навалили на мои нервы

столько впечатлений, что голове в перу разорваться. А ел то и пил я у Вас точно я не в Питере был, а в старосветской усадьбе. Кстати, свежие сивог в Москве нет.

Конечно, Вы и без меня знаете, как я благодарен Вам за Ваше гостеприимство и возно с моей тяжелой особой, но все-таки считаю нужным констатировать еще раз эту благодарность. 10 000 раз спасибо.

В заключение поздравляю Вас и всех Ваших с Новым годом, с новым счастьем. Прасковье Никифоровне и Феде нижайший поклон и поздравление.

Билибину кланяйтесь и скажите, что я собираюсь написать ему.

П. И. Кичеев³ стрелялся, но... неудачно. Пальмина еще не видел.

За сим будьте здоровы. Еще раз спасибо в квадрате.

Ваш А. Чехов.

Про Святейший Синод и Сенат отец спрашивал. Сердится, что я внутри не был.

Р. С. Буду писать еще. Хочется о Питере поговорить.

¹ Остужин — книгоиздатель и книгопродавец.
² Амфитеатров Александр Валентинович (1862—1926), фельетонист и беллетрист; умер в эмиграции.

³ П. И. Кичеев (1845—1902) — писатель, театральный рецензент и издатель театральных журналов; автор злой рецензии в «Московском листке» на пьесу Чехова «Иванов», шедшую в 1887 г. в театре Корша.

18. Н. А. ЛЕЙКИН — А. П. ЧЕХОВУ

Н. А. Лейкин.

С.-Петербург.

Николаевская ул., № 48.

25/28 Янв. 1886 г.

Здравствуйтесь, добрейший Антон Павлович!

С прискорбием «души и тела» пересылаю вам корректуру вашей статьи «К сведению мужей»¹. Статейка не прошла и в Комитете. Мотив: по цинизму и сальности (!!!). Есть третья инстанция: можно-бы жаловаться на Комитет в Главн. Управление по делам печати с наклеплением на прошение двух 60-копеечных марок, но право все это хлопот не стоит. Статья у вас не пропадет. Перепишите ее, пошлите в «Петерб. Газету», и там она будет напечатана. Но непременно перепишите, а в корректуре не посылайте — не напечатают из боязни.

Ответ на вопрос: Буйлова² зовут Афанасий Дмитриевич. Ответ на Ваше ходатайство за Агафоподу о прибавке ему. Как тут прибавлять ему, если он совсем не пишет? Последний присыл его был перед Вашим приездом в Питер, и с тех пор присыла не было. С половины Декабря не было. В распоряжении редакции имеется набранный и пропущенным цензурой его рассказ «Согрешил», но он так длинен, а главное на сюжет всем надоевшего забитого чиновника, что я не решаюсь его ставить и подожду еще номера два-три. Да главное-то, что его рассказ никак не втиснешь при Вашем рассказе, до того он длинен. Далее...

Если Агафоподу прибавить, то я его гонорар должен уравнивать с Вашим гонораром, а где же тут справедливость? Ваши рассказы я прочитываю и тотчас же посылаю в типографию, а над его рассказами должен сидеть, выправлять их, часто смягчать, приделывать даже хвосты к ним. Впрочем, придет рассказы, так я подумаю и если Вам обещал, то сдержу свое слово о прибавке.

Вопрос: Вы мне писали, что Вас кто-то наддул наихудшим образом. но не пояснили, кто и как. Нельзя-ли разрешить эту сфинксову загадку?³

Теперь о книге Вашей. Посылку с оригиналом я получил. Знаете, что, Антон Павлович... Мне не хочется издавать Вашу книгу пополам с Худековым. Я хочу издать ее один, то-есть от редакции «Осколков». Как тут издавать пополам? Ведь Худеков хлопотать не будет об издании, а хлопотать буду я: Худеков ни в типографии не распорядится, ни бумаги не купит. Это все должен сделать я-же... Надо Вам сказать, что он большой грошовник. Наконец, со времени Вашего отъезда он ни разу и не упомянул мне о Вашей книге. Неприятно на меня подействовало также и то обстоятельство, что в бытность Вашу в Питере он позвал Вас и меня к себе, чтобы переговорить о издании, и потом прислал сказать, что не может принять. Даже прислал без записки. В запасе у него был следующий день, но он уже не повторил ни Вам, ни мне своего приглашения.

Сотрудник приезжает в Петербург в первый раз, знакомится с редактором, его зовет редактор к себе и потом отказывается принять! Это уже не только не гостеприимно, но... не буду договаривать. Скажу прямо: мне за Вас обидно.

Итак, книгу Вашу издаст редакция «Осколков». Формат — формат моих книг. Печать та же самая, но бумагу поставлю лучше. Надо издать поэтичнее. Условия следующие. Я издаю книгу в 2012 экземплярах (12 экземпляров надо представить в цензурный комитет даром). Книга складывается в редакции и продается. Вам посылается счет стоимости книги. Когда книга окупится (а я думаю, что она должна скоро окупиться), оставшиеся экземпляры мы делим поровну: половину получаете Вы, половину редакция «Осколков». Труд вознаграждается так же как капитал и вместе с ним неразлучный риск на издание, так как ежели книга не пойдет то убыток понесу я один, а не Вы. На этих условиях изданы у

меня Пальмин, Баранцвич⁴. 50 экз. книги Вы получите на руки вперед.

Вот условия. Ответьте согласны-ли. Ответьте немедленно, ибо книгу надо печатать, надо, чтоб она вышла в посту, а не в летние месяцы затишья. Жду.

Ваш Н. Лейкин.

Р. S. В понедельник распоряжусь о высылке вам гонорара из «Осколков». Поклон Вашему семейству.

¹ Рассказ «К сведению мужей» не был пропущен цензором и сохранился в гранках. Рассказ был напечатан только в 1927 г. в «Красной газете» за 1927 г., № 294. См. «А. П. Чехов, «Несообразные рассказы». Academia, 1929, стр. 306—313.

² А. Д. Буилов служил в конторе «Петербургской газеты».

³ В том же письме Чехов писал Лейкину: «Ах как меня надули. Впрочем, прежде чем Вы ле начнете ругаться, я не скажу в чем дело... Ужасно и подло надули».

⁴ Казимир Стаиславович Баранцвич (1851—1927) — беллетрист; Чехов относился к нему с большой симпатией, хотя и критиковал его произведения.

19. А. П. ЧЕХОВ — Н. А. ЛЕЙКИНУ

1886, 1, 28
[Москва].

Письмо Ваше получил, уважасмый Николай Александрович, и спешу на него ответить. Вы очень мило сделали, что написали мне, ибо я целую неделю ждал Вашего письма.

Прежде всего о книге. Тонкости, которые сообщаете мне Вы про Худекова, не казались мне толстыми до получения Вашего письма. Значение их было для меня темно, иль ничтожно. Вообще я не практичен, доверчив и тряпка, что вероятно Вы уже заметили. Спасибо Вам за откровенность, но... все-таки я не могу понять: к чему нужны были Худекову все его тонкости? Чем я мог заслужить их?

На все условия, которые Вы мне предлагаете в последнем письме, я согласен, признавая их вполне основательными. Все издание отдано на Ваше усмотрение, считая себя в деле издательства импотентом. Беру на себя только выбор статей, вид обложки и те функции, какие Вы найдете нужными преподать мне по части хождения к Ступину и проч. Отдаю и себя в Ваше распоряжение. Издавайте книгу и все время знайте, что издание моей книжки я считаю большой любезностью со стороны Осколков и наградою за труды вроде, как бы Станислава 3-й степени.

Сегодня посылаю остальные оригиналы. Если материалу не хватит, то поспешите уведомить, еще вышло. Если останется лишний материал, то тоже уведомьте, я напишу Вам, какие рассказы выкинуть. Обложку для книги я беру

на себя по той причине, что Московский виньетист, мой приятель и пациент Шехтель¹, который теперь в Питере, хочет подарить меня виньеткой. Шехтель будет у Вас в редакции. Надежду Вашу на то, что книга скоро окупится, разделяю и я. Почему? Сам не знаю. Предчувствие какое-то... Почему Вы не хотите печатать 2 500 экз.? Если книга окупится, то 500 лишних экземпляров не помешают. Мы их, «измором» продадим...

А какое название мы дадим книге? Я перелбрал всю ботанику, зоологию, все стихи и страсти, но ничего подходящего не нашел. Придумал только два названия «Рассказы А. Чехонте» и «Мелочь». Буду писать И. Грэку. Пусть он выдумает. Насчет цены книги и проч. меня не спрашивайте. Я, повторяю, на все согласен. Впрочем, нельзя ли будет прилатить мне последнюю корректуру?

Засим кланяюсь и говорю спасибо. Поклонитесь Прасковье Никифоровне и Фсде.

А. Левитана я лечил на днях. У него малеснький психоз, чем я отчасти и объясняю его размовку с Осколками. Прощайте.

Ваш А. Чехов.

¹ Шехтель Франц Осипович (1859—1926) — товарищ Н. П. Чехова по училищу живописи, приятель А. П. Чехова, в 80-х годах сотрудник юмористич. журналов, в которых поместил много рисунков (псевдоним Финь-Шампань); сделал обложку для «Пестрых рассказов» Чехова (1886); впоследствии известный архитектор, академик.

20. Н. А. ЛЕЙКИН — А. П. ЧЕХОВУ

Н. А. Лейкин
С.-Петербург
Николаевская ул., № 48.

30/31 Янв. 1886 г

Сегодня наконец, получил от Вас столь давно ожидаемый ответ, добрейший Антон Пав-

лович, по поводу издания Вашей книги. Получив его, сейчас же сдал оригинал в типографию для набора. Нового оригинала пока не присылайте. Я полагаю, что и присланного хватит на 25 листов, а больше двадцати пяти

листов мно вгонять в книгу не хочется. Свои книги я издаю по 20 листов и назначаю цену в 1 р. 50 к. Вашу книгу издам в 25—26 листов и назначаю цену 2 р. О том, печатать ли 2 000 экз. или 2 500, переговорю завтра с моим компаньоном и вышлю Вам условие для подписания, по которому Вы передаете право издания Вашей книги «Осколкам». Оно будет в 2-х экземплярах. Копию оставите себе. Без этого нельзя. Кроме того, поскорее пришлите название книги. Без этого печатать нельзя. По новым типографским правилам, нужно предоставлять инспектору типографии название книги, которая набирается и печатается, хотя бы эта книга, как Ваша, издавалась и без предварительной цензуры. Как видите, типографскую петлю все затягивают и затягивают.

Шехтеля поторопите с виньеткой для титула, как можно скорей, ибо книга должна выйти непременно на первой или второй неделе Великого Поста. В это время всегда бывает самый лучший спрос на беллетристику. Образец титула, то-есть, по вашему, обложки, вышло тотчас-же Вам на просмотр, как обложка будет напечатана, что-же касается до пересылки Вам на прочтение последней корректуры, то это решительно невозможно. Тогда книга выйдет в глухую летнюю пору и заглохнет. Ведь это значит, что на каждый лист надо убить по крайней мере, трое суток времени, трое суток только тогда, если Вы тотчас-же по получении примитесь читать корректуру, а при Вашей Чеховской лени (простите!) пройдет и неделя. Сегодня у вас гости, и вам нельзя читать корректуру, завтра надо куда-нибудь идти

и корректура опять откладывается, послезавтра Вы нерасположены и Вам лень, попросту говоря. А так не должно быть. У меня, когда мне надо работать, я гостей не принимаю, а если они сидят, то выпроваживаю вон. Вы же этого сделать не можете. Насчет корректуры не беспокойтесь. Корректорша у меня отличная, лучшая во всем Петербурге, педантичная, неустанная, да кроме того и я над ней буду наблюдать.

Итак скорей название книги! Затем, будут ли это рассказы А. Чехонте или рассказы Ан. П. Чехова? Мне кажется, первое лучше, и я так бы и оставил на титуле. Не хотели ли назвать просто:

«А. Чехонте.

Очерки и рассказы».

Можно назвать: «В водовороте». А то так: «Куклы и личины». Еще: «Фигуры и двойки». Жду наискорейшего ответа. Пожалуйста не откладывайте в долгий ящик.

Левитану велел высылать «Осколки». За что я буду давать ему даровой экземпляр?

Ваш Н. Лейкин.

Р. С. Скажу Вам, что я не поклонник виньеток на книгах. Разве уже только то, что у Вас даровая виньетка.

Я был избран депутатом от петербургской журналистики на похороны Аксакова¹, но не поехал. И без меня много поехало. Да и некогда разъезжать.

¹ И. С. Аксаков (1823—1886)—публицист, поэт и общественный деятель славянофильского направления.

21. Н. А. ЛЕЙКИН — А. П. ЧЕХОВУ

Усадьба Городки.

Редакция
Иллюстрированного журнала
«Осколки».
С-Петербург
Троицкий пер., № 18.

Сентября 27 1886 г.

Добрейший Антон Павлович!

Сообщаю Вам, что 1 Октября я переезжаю из усадьбы в Петербург, и потому письма и статьи адресуйте на мою зимнюю квартиру: Петербург, Николаевская № 48. Письма Ваши от 7/IX— и 20/IX получила. Вы спрашиваете: нет-ли чего нового в «Осколках»? Нового ничего, за исключением разве того (рифма), что я выбрал премию для 1887 г. Премия — две олеографические картинки. Они меньше тех, которые были выданы в нынешнем году, но лучше выполнены. Сюжет комический — из области рыболовов любителей. В обоих картинках (жанр) фигурирует одно и то же лицо, но при разной обстановке. Как назову картины — пока еще не знаю.

Далес... на счет получки денег из «Петербург. Газеты». Если Буйлов задерживает деньги, то это помимо воли Худекова. Пишите о деньгах на имя Худекова, он будет передавать в контору и деньги не будут задерживать. Поовинциальных сотрудников, кроме вас, у «П. Г.»

нет, а Петербургские все получают деньги самым аккуратнейшим образом. Надо Вам сказать что Буйлов вот уже две недели не является в контору. Он пьет запоем и вот теперь напало на него это «малодушество винное». Пишите Худекову. Сам я дней 10 не был в «П. Г.-те». В конце будущей недели буду бывать там часто и скажу Худекову, как конфузит его Буйлов в деле денежной уплаты.

Теперь насчет Тосны. Тосна была запружена барками только до 1 июня. После этого грузились в ней барки дровами, но грузились выше меня на версту. Теперь мимо меня барки только проходят в Неву. Вы пишете о многолюдстве на Тосне, но это было только весной. В Ивановском в течение лета было относительно многолюдно, ибо почтовый тракт, да и дачники были, а я, если Вы помните, имею землю в стороне и мимо меня разве-разве пройдут 20 человек в день в Покровское и из Покровского. Больше мимо меня никуда и дороги нет.

Завод около меня не работает, хотя труба и попережнему тоочит. В нем живут только сторож с женой. 13 Сентября этот завод продавался в Окружном суде за долги, но на торги никто не явился. Теперь через три месяца будут новые торги и завод будет продаваться с рубля. Пойду торговаться. Если за 4 000

удастся купить — куплю. Там 28 десятин земли да в трубе тысяч 150 кирпичу.

Вы пишете: воображаю, как холодно и сыро ездить теперь на пароходе. Но ведь каюта I класса отапливается паром. Но я на езде и сейчас очень редко вожу в каюту. Погода в Сентябре у нас стоит такая же хорошая, как стояла и все лето. Хотя теперь лист пожелтел от утренников и наполовину облетел от ветров, но выдаются прекрасные денки. Теперь в Тосне ловят налимов. Я не ловлю, некогда, но покупаю полуаршинных по 6—7 коп. за штуку. Охотники теперь мимо нас бродят. Много диких уток вверх по Тосне. Недели две тому назад ко мне в овраг дня четыре под-ряд по утрам приходил медведь-овсянник и выл от голода, но теперь скрылся. Если Вы помните, сейчас за оврагом шли крестьянские овсы — вот он на скошенные уже овсы и приходил, а потом в овраг... В том же овраге дворник Пантелей неделю тому назад убил барсука. Был у нас поставлен капкан. В капкан попала лисица, оставила заднюю ногу и убежала. На том месте, где у меня огород, убили в течение лета трех зайцев. Они приходили на капусту.

Если-бы Вы приехали теперь ко мне в усадьбу, то не узнали-бы ее. Разбито три сада: верхний, нижний и фруктовый. Последний — за усадьбой. Из верхнего в нижний сад (оба перед домом) сделана лестница из 25 ступеней, с тремя площадками. В нижнем саду пруд, в пруду караси посажены, выстроены два киоска для вьющихся растений. За домом идут парники и теплица. Теплицу я выстроил роскошно, со всеми новыми приспособлениями, в сад посадил деревьев и кустарников больше тысячи штук. Есть *Tuja occidentalis*. Вишневых деревьев одних посадил 66 штук, 150 лип и пр. и пр. Половину деревьев и кустарников выписал из Риги. Все сады обнесены зеленого цвета решетками. Дом обшит и выкрашен. На дорожки верхнего и нижнего сада пошло до 10 кубических сажень кирпичного щебня.

Что это Вы все хвораете? А еще врач. *Medice, cura te.*

22. А. П. ЧЕХОВ — Н. А. ЛЕЙКИНУ

[1886] IV,30 [Москва]

Сейчас получил Ваше письмо, уважаемый Николай Александрович, и, не откладывая ответа в долгий ящик, сажусь писать. Гонорара из Газеты¹ еще не получил и отчаялся получить. Писать туда не буду, пока не получу. Быть может, даже сотрудничеству моему в Газете придется пропеть аминь: я послал Худекову прошение о прибавке... Замолвите словечко о прибавке, а то ведь, согласитесь, обидно на старости лет писать за 7 коп.! Не найдет ли Х. [Худков] возможным давать добавочные по образу Осколков? Впрочем, я на все согласен, даже на плохое единовременное, лишь бы не сидеть на семи копейках.

Живется серо. Сам я плох, да и кругом себя не вижу счастливых. Агафопод с семьей живет в Москве и еле сыт. Николай вчера и 3-го дня был серьезно и опасно болен. По-

О себе скажу, что здоров, жена здорова, но Федя болен коклюшем. И не понимаю, где мог простудиться. Дом у нас теплейший, рамы вставлены, детскую топим каждый день.

Будьте здоровы.

Ваш Н. Лейкин.

P. S. Адрес поэта Пальмина: Под Новинским, Дурновский переулок, дом Клаповского.

P. S. В конце Октября или в начале Ноября уповаю быть в Москве.

P. S. Попросите, чтобы о Вашей книге «Пестрые Рассказы» поставили публикацию в «Будильник», разумеется даровую. Указывайте на книжные магазины «Нового Времени», Бр. Салаевых и Вольфа.

Надо публиковать и в Москов. Листке.

Читали ли в Наблюдателе (Сентябрь) отзыв о «Стукине и Хрустальникове»?¹

Как Вам нравится Иллюстрация к Отечественной Летописи Амфитеатрова? Не правда-ли ново? А Пальмин витает в пространстве и шшет о богах. И все в одну дудку, все в одну дудку... Появились уже недовольные им. Жалуются на скуку и тяжеловесность стихов. Писал ему об этом, но ведь он самообольщен и не верит, да и отрешиться от своей манеры не может и будет до скончания живота витать в пространстве между богами и богинями.

¹ В сентябрьской книжке «Наблюдателя» за 1886 год (второй пагинации стр. 48—50, Новые книги) была помещена анонимная рецензия на книги Лейкина: «Стукин и Хрустальников». Банковская эпопея. 1886 г. — «Цветы лазоревые». Юмористические рассказы. — «Апраксинцы. — Биржевые артельщики». Сцены и очерки. Издание третье. 1886. В рецензии, с одной стороны, отмечалось обилие мелких рассказов у Лейкина, лишенных литературной и общественной значимости, а, с другой стороны, подчеркивались большие достоинства написанной им эпопеи из банковской жизни: изображения им воровства, надувательства, прямой подлости и биржевательства доверчивых людей со стороны банковских заправил. «Груд этот, — говорилось в рецензии, — резко выделяется своею цельностью и полнотою между отрывочными, нередко недоконченными и наскоро набросанными очерками г. Лейкина».

явилась неожиданно обильная кровавая рвота, которую едва удалось остановить. Отощал он на манер тифозного... Ужас, сколько передраг я испытал в эти дни, а тут еще денег нет! Кончится, должно быть, вся музыка тем, что я плюну, махну рукой и удеру в земство на службу.

Здоровье мое лучше. Нужно бы радикально изменить жизнь, что не легко. На моей совести 3 греха, которые не дают мне покоя: 1) курю, 2) иногда пью и 3) не знаю языков. В виду здоровья 1 и 2 пункты давно уже пора похерить.

Пальмин был у меня. На счет богов и богинь Вы правы. Я поговорю с ним. Знаете, он и сам напоминает какого-то бога. Живет не по людски, витает в эмпиреях и знать не хочет земли. Сюртук в пятнах, штаны вечно

растегнуты, галстук на затылке... Был у меня с двумя собаками, которые бегали по комнатам и жалобно выли. На-днях буду у него. С ним приятно посидеть вечером...

Сегодня был у меня Гиляй². Ждет человечина родов. «Опять говорит, ! Ну, пусть себе плодятся!».

Здоров ли Билибин? От него ни слуху, ни духу, точно умер, или попал в крепость.

Относительно объявления в Буд, и Сверчке постараюсь³. В Буд, уже печатались. В Рус. Вед. напечатаю, когда деньги будут. А Листок⁴... чорт с ним! Лучше напечатать объявления в Одесском Вестнике и Южном крае (Харьков).

Послушайте, напишите ка что-нибудь для

сцены! Для Вас это выгодно да и приятно в видах разнообразия.

Больше, кажется, не о чем писать. Погода сносная. Бывают денки, когда я жалею, что уехал с дачи. Поклон всем Вашим.

Чтобы заболеть коклюшем, нет надобности простужаться. Болезнь инфекционная, или, как думают, нервного происхождения.

Ваш А. Чехов.

¹ Газета — «Петербургская газета».

² Гиляй — В. А. Гиляровский.

³ «Сверчок» — юмористический журнал, издававшийся братьями Е. и М. Вернерами — ср. письмо Чехова к Лейкину от 20 сент. 1886 г. («Письма», I, 264).

⁴ Листок — «Московский листок».

23. Н. А. ЛЕЙКИН — А. П. ЧЕХОВУ

3 Апреля 1887 г.

Христос Воскрес!

Здравствуйте, Антон Павлович. Пишу Вам, уведомляя Вас, чтобы вы не ждали гонорара в апреле м-це. Согласно вашему желанию я остановил посылку его и таким образом гонорар за март Вы получите вместе с апрельским в мае месяце. Не забудьте только впоследствии указать адрес, куда его выслать.

Нева у нас разошлась. Ждали, что еще третьего дня начнется пароходное сообщение, но, вообразите, вдруг ночью мороз до 7 градусов и застрявший в извилинах реки лед опять сковало. Завтра то-есть в страстную субботу, еду на Тосну с тем, чтобы к заутрени вернуться домой. Думал ехать на пароходе и вот теперь принужден опять тащиться по железной дороге. А ехать надо. Там трое людей, и они без денег к празднику. Нужно выдать жалованье. Кроме того нужно свеести семена для посева в парниках. Пора уже сеять. Впрочем, из теплички мы уже давно пользуемся салатом, шпинатом и редиской. Было даже несколько огурцов.

На прошлой неделе у нас гостила становой дочка и все меня расспрашивала о вас. Я ей рассказал, какой вы: какого роста, какого цве-

та, какой толщины. Приедете в июне на Тосну, так покажем вас ей, да и ее вам покажем. Почему знать? Может быть...

Завтра, послезавтра и в понедельник я буду отдыхать, то-есть не буду писать своей литературной порции. Два дня № «Пст. газеты» не выходит, да и третий день в придачу дал мне Худеков. Три дня.. Это для меня большая редкость.

Ваш протез Менделевич бомбардирует меня ужасными стихами. Стихи трехполненные и кроме того глупые.

Прочли-ли Вы в «Осколках» рассказ Кулакова «Психея»? Дайте ответ и сообщите, как Вы наши рассказ.

Пальмин, очевидно, сердится, что я мало помещаю его стихов. С 8 марта нет от него писем.

Амфитеатров переехал из Милана в Москву, прислал два прелестные стихотворения — иллюстрации к Отечественной летописи, но цензура не пропустила. Выработывается малый.

Все. Больше не о чем писать. Прощайте. Жду от вас писем.

Н. Лейкин.

Апель Апелевич делает вам маленького Апеля.

24. А. П. ЧЕХОВ — Н. А. ЛЕЙКИНУ

[1887 г.] 7-го апреля. Таганрог.

Христос воскрес, милейший Николай Александрович! Письмо Ваше получил вчера. Принес его мне почтальон в рыжем пальто и с добродушной рожей, сдав письмо, он положил свою сумку около таза на скамейку и сел в кухне пить чай, ни мало не беспокоясь об адресатах. Совсем Азия! Такая кругом Азия, что я просто глазам не верю. 60.000 жителей¹ занимаются только тем, что едят, пьют, плодятся, а других интересов — никаких. Куда ни явись, всюду куличи, яйца, сантуринское, грудные ребята, но нигде ни газет, ни книг... Местоположение города прекрасное во всех отношениях, климат великолепный, плодов земных тьма, но жители инертны до чортиков...

Все музыкальны, одарены фантазией и остроумием, нервны, чувствительны, но все это пропадает даром... Нет ни патриотов, ни дельцов, ни поэтов, ни даже приличных булочников.

В субботу я еду в Новочеркасск, где шаферскую у одной богатой казачки. Опившись Донского, я вернусь в Таганрог и 14 еду к Дону. Вы все-таки продолжайте мне писать в Таганрог.

Маленькая просьба: возможно скорее справьтесь у Вашего чернобородого массажиста, какое практическое руководство по массажу считается лучшим? Ответ его благоволите написать на бланке открытого письма и послать по адресу: г. Таганрог, доктору Ивану Васильевичу Еремееву. Этим Вы меня премно-

го обяжете, ибо я и мой collega будем в мае массажировать одного толстяка. Пожалуйста, не забудьте.

Ах, какие здесь женщины!

Вчера ездил глядеть море. Хорошо! Одна только беда: желудочно-кишечный катарр от перемены воды и пищи. То и дело бегаю. А ватер-клозеты здесь на дворе, у чорта на куличках... Пока добежишь, так успеешь подвергнуться многим неприятным случайностям.

25. А. П. ЧЕХОВ — Н. А. ЛЕЙКИНУ

[1887 г.] 11 сент. [Москва]

Тысяча благодарностей, Николай Александрович! Ура Вам и живью! Во первых, большое спасибо за «Врача», которого я получил сегодня и буду читать на сон грядущий. Убедительно прошу почтовые расходы (60 коп.) записать в мой счет, дабы расходы сии не отвалили Вас продолжать Вашу любезность до конца.

Вы не дурно сделали, что выслали Врача бандеролью, посылки получать ужасно трудно и не дешево. Если когда-либо придется Вам посылать мне посылку, то пишите «с доставкой», — это стоит дешевле, чем извозчик в почтамт и обратно.

Во вторых, большое спасибо за объявление о моей книге и за рецензию, которой Вы не отказали дать место.

В понедельник я послал Вам рассказ. Вы должны были получить его во вторник. Вообще я буду посылать рассказы по понедельникам.

Да, я долго не писал, но сие не значит, что я заткнул фонтан. Увы, фонтан сам не хотел бить! Недели три я малодушно предавался меланхолии: не хотелось глядеть на свет белый, перо валялось из рук, одним словом — «исவர்», которых Вы не признаете. Я был так психически настроен, что решительно не мог работать. Причина смешанная: плохая погода, кое что семейное, безденежье, перевозка и проч. Ныне я немощно воспрянул духом и помаленьку работаю. В Газету рассказ послан¹. Какой же трусище Ваш брадатый Тимофей! Если кучер в ночную езду берет с собой шкворень, или иное сарайное орудие, то это первый признак, что он при виде воров накладет в свои плисовые шаровары и убежит от хозяина. Вы его как-нибудь попужайте.

В Вашем новом доме, судя по Вашим письмам, будет всю зиму вонять краской и, пожа-

Написал в Газету рассказ² и сейчас повезу его на вокзал вместе с этим письмом.

Пишите же. Поклон Прасковье Никифоровне и Феде. Прощайте.

Ваш А. Чехов.

¹ Эти замечания Чехова о Таганроге интересно сравнить с высказываниями о родном городе героя повести «Моя жизнь».

² В апреле 1887 г. в «Петерб. газете» напечатаны были рассказы «Казак», «Удав и кролик» и «Критик».

луй, будет сыро. Смотрите, как бы опять не пришлось лечиться! Разболится голова раздургой, разноеется грудь, вот и начнете мечтать о ялапке с содой да Mag[isterium] bism[utuli].

Пальмина я не вижу. Где он?

Я читал «Сев. Вестник». Рецензия не столько партийная, сколько умная, или как говорят «умная». Прочел я и очень мало понял².

Была рецензия в 244 № Моск. Вед. Не дурно, и длинно, и чувствительно. Про меня почему то все чувствительно пишут.

Как мои «Пестрые Рассказы»? Напишите мне, в каком они положении. Как здорове В. В. Билибина? Все ли он кажется человеком, готовым заболеть? Я буду ему писать сегодня, он ответит, но о газетове ничего не напишет. Не умно сделала Газета, что отказалась от такого сотрудника: 1) молод, 2) несомненно талантлив, 3) нуждается в частой газетной работе. Работников нужно собирать в кучу, а не разгонять.

У нас тепло. Прощайте и поклонитесь Вашим.

Дочь станového вышла замуж! Очень рад, что не помешал г. квартальному порздниться со станovým. Думаю, что этот мой патристический поступок будет достаточно оценен.

Но.., хорош и Вы, редактор либерального журнала! Хотели либерального сотрудника отдать в руки полиции, отдать всего, даже с детородными способностями! Не хорошо-с.

Я купил (или вернсе мне подарили) новую кабинетную лампу. Прощайте.

Ваш А. Чехов.

¹ Вероятно, речь идет о рассказе «Почта», напечатанном в № 252 «Петербургской газеты» 14 сентября 1887 г.

² И. Ф. Масанов («Чеховиана», 1929) автором рецензии в «Северном вестнике» (1887, сентябрь) на книгу рассказов Чехова «В сумерках» называет Н. К. Михайловского.

26. А. П. ЧЕХОВ — Н. А. ЛЕЙКИНУ

21 Июнь 88
[Сумы]

Ваше второе письмо, добрейший Николай Александрович, получил я вчера, вернувшись из Полтавской губ. Первое письмо было получено незадолго до отъезда. Был я в Лебедине, в Гадяче, в Сорочинцах и во многих прославленных Гоголем местах. Что за места! Я положительно очарован. На мое счастье, по-

года все время стояла великолепная, теплая, ехал я в покойной рессорной коляске и попал в Полтавскую губ. в то время, когда там только что начинался сенокос. Проехал я в коляске 400 верст, ночевал в десяти местах... Все, что я видел и слышал, так ново, хорошо и здорово, что во всю дорогу меня не оставляла обворожительная мысль — забросить литературу, которая мне опостылела, засесть в

каком-нибудь селе на берегу Псла и заняться медициной. Будь я одинок, я остался бы в Полтавский губ., так как с Москвой не связывают меня никакие симпатии. Летом жил бы в Украине, а на зиму приезжал бы в милейший Питер... Кроме природы, ничто не поражает меня так в Украине, как общее довольство, народное здоровье, высокая степень развития здешнего мужика, который и умен, и религиозен, и музыкален, и трезв, и нравственен, и всегда весел и сыт. Об антагонизме между пейзажами и панамы нет и помину.

Что Лазарев¹ и Ежов² женятся, я слышал уже. Поздравляю редакцию с законным браком сотрудников и желаю чад и ложа не скверна. Пусть женятся! Это хорошее дело. Лучше плохой брак, чем хорошее шематонство. Я сам охотно бы зануздил себя узами Гименя, но увь! Обстоятельства владеют мною, а не я ими.

Мне понравилась Ваша... «Первая ночь»³. Она написана очень хорошо; только заглавие несколько не подходит: она заинтриговывает читателя и заставляет его ожидать чорт знает чего. Читаю Осколки. Нравятся мне посвящения Кактуса⁴. Это кстати и красиво. Рисунки Далькевича — сплошная модная картинка, могущая удовлетворить только парикмахера средней руки.

Брат Александр вернулся в Питер со чадами. Детей привозил он только затем, чтобы показать их.

Погода у нас теплая. Поспевают плоды земные. В начале июля я еду в Феодосию к Суворину. Не имете ли какого поручения?

Книги Ваши получены в мое отсутствие Ла-

заревым, которому поручено было уведомить Вас о получении и поблагодарить за любезность. Я у Вас в долгу.

Если будете писать Лазареву и Ежову, то поздравьте их от моего имени. Я бы и сам поздравил, но у меня нет их адресов. Напишите, что я желаю им всего хорошего, особливо литературных успехов, на которые они по своей порядочности и по своему трудолюбию имеют полное право тем более, что оба, особенно Лазарев, талантливы.

Ну, будьте здоровы. Сажусь сейчас писать для хлеба насущного.

Писал ли я Вам, что у меня гостил А. Н. Плещеев?⁵ Прожил он у меня 3 недели.

Ваш А. Чехов.

В книжных шкафах на вокзалах имеются Ваши книги только у Петровского.

¹ В дневнике Лейкин записал под 17 авг. 1891 г. о Лазареве-Грузинском: «Это один из моих литературных крестников. Так же, как и А. П. Чехов, Лазарев под псевдонимом А. Грузинского начал свое литературное поприще в «Осколках».

² Ежов Н. М. (род. в 1862 г.), беллетрист, сотрудник «Нового времени», устроивший в эту газету Чеховым; впоследствии автор цветочнических воспоминаний о Чехове («Историч. вестник», 1909).

³ В № 150 «Петербургской газеты» был помещен рассказ Лейкина «Утро молодых», в следующем — «Молодые за чаем», в 166 номере — «Первый акт», но рассказа «Первая ночь» не было.

⁴ Кактус — псевдоним сотрудника «Осколков» полковника Мартынова. Очевидно, Чехов имеет в виду его посвящения под заголовком «Из словаря русских деятелей», печатавшиеся в «Осколках».

⁵ А. Н. Плещеев (1825—1893) — известный поэт, заведывавший в «Северном вестнике» (ст. делом беллетристики).

27. А. П. ЧЕХОВ — Н. А. ЛЕЙКИНУ

[1889 г.] 22 мая, г. Сумы (Харьк. губ.)

Здравствуйте, Николай Александрович, сколько зим, сколько лет! Давно уж я не писал Вам и не получал от Вас писем. Причины моего молчания кроются в постоянстве моего характера: я всегда одинаково и неизменно ленив, и всегда моя голова занята каким-нибудь обстоятельством; Вы же молчите, потому что Вы считаетесь визитами и ждете, когда я Вам напишу.

Живу я там же, где жил в прошлом году. Адрес мой краток: г. Сумы. Не ездил я никуда и вероятно до осени никуда не поеду, так как на руках у меня Николай, больной чахоткою и тающий от этой болезни. Дела его плохи, значит плохи и мои дела и Вы можете себе представить мое положение. Распространяться не стану.

В феврале у меня было около 1500 рублей. Я мечтал, что проживу все лето до октября вольно и безбедно, объезжу весь свет вдоль и поперек и не буду работать. Вольно я еще не жил и никуда я еще не ездил, а осталось у меня из полторы тысячи только 340 руб.

Я поменьше работаю. Пишу маленькие рассказы, которые соединю воедино нумерацией, дам им общее заглавие и напечатаю в Вестни-

ке Европы. Хочу сразу получить денег побольше. Думал написать комедию, но пока сделал только два акта, надоело и я бросаю. Да не тем голова занята. Обстановка у меня теперь совсем не писательская, а лазаретная.

Что подельвает Билибин? Я слышал, что он работает много для сцены. Это хорошо, хотя быть хорошим фельетонистом гораздо выгоднее, чем быть отличным водевиллистом. Выгоднее, покойнее и солиднее.

Я читал, что в Питере жарко. У нас тоже вся весна была жаркая. В тени больше 30°.купаемся поневоле два раза в день и спим ночью под простынями при открытых окнах. Дождей нет, земля высохла, листья на деревьях вялы, редиска червивая; вообще червей, моли и тли много, появилась вся эта гадость рано и надо думать, судя по всему этому, что урожай не будет. Комары замучили.

Ездили Вы на Балаам? Если б художник был здоров, я поехал бы на Кавказ или в Париж; из Парижа писал бы юмористические фельетоны. Мне кажется, что когда я заживу по человечески, то-есть когда буду иметь свой угол, свою, а не чужую, жену, когда одним словом буду свободен от суеты и дрызг, то опять примусь за юмористику, которая мне даже снится. Мне все снится, что я юмористи-

ческие рассказы пишу. В голове кишат темы, как рыба в плесе.

Вы живете теперь в Ивановском? Сюда я и адресуюсь.

28. А. П. ЧЕХОВ — Н. А. ЛЕЙКИНУ

[1889 г.] 13 Авг. Сумы.

Из дальних странствий возвратясь, добрейший Николай Александрович, я нашел у себя Ваше письмо. Спасибо за память. Вот Вам мое *sigillum vitae*. Последние дни Николая, его страдания и похороны произвели на меня и на всю семью удручающее впечатление. На душе было так скверно, что опротивели и лето, и дача, и Псел. Единственным развлечением были только письма добрых людей, которые, узнав из газет о смерти Николая, поспешили посочувствовать моей особе. Конечно, письма пустое дело, но когда читаешь их, то не чувствуешь себя одиноким, а чувство одиночества самое паршивое и нудное чувство.

После похорон возил я всю семью в Актырку, потом неделю пожил с нею дома, дал ей время попривыкнуть и уехал за границу. На пути к Вене со станции Ймеринка я взял несколько писем и поехал в Одессу; здесь прожил я 10—12 дней, купаясь в море и варясь в собственном соку, сиречь в поте. В Одессе, благодаря кое каким обстоятельствам, было прожито денег не мало; пришлось насчет заграницы отложить всякое попечение и ограничиться одной только поездкой в Ялту. В сем татарско-дамском граде прожил я недели три, предаваясь кейфу и сладостной лени. Все пушено в трубу, осталось только на обратный путь. В стране, где много хорошего вина и отличных коней, где на 20 женщин приходится один мужчина, трудно быть экономным. Наконец я дома, с 40 рублями.

Разъезжая по провинции, я приглядывался к книжному делу. Нахожу, что поставлено оно отвратительно. Торговля нищенская. Половина книгопродавцев кулаки или прямо таки жулики, покупатель не воспитанный, легко поддающийся обману, откровенно предпочитающий в книгах количество качеству. Пока столичные книгопродавцы не пооткрывают в городах своих

Поклон мой Прасковье Никифоровне и Феде. Будьте здоровы и не забываюте Вашего

А. Чехова.

отделений, до тех пор дело не подвинется ни на один шаг вперед. На туземцев рассчитывать нельзя.

Из туземцев я встретил только одного благонадежного и вполне порядочного издателя-книгопродавца, которого рекомендую Вашему вниманию. Его адрес: «Ялта, Даниил Михайлович Городецкий»¹. Он содержит типографию, издает всякую крымскую дрянь, редактирует Ялтинский листок, продает книги и этим летом открывает отделения по всему Крымско-Кавказскому побережью, начиная с Одессы и кончая Батумом. Он, повторяю, порядочный человек, образованный и неглупый. Немного не опытен, но этот недостаток поправимый. Издания берет он только на комиссию, расчет ежемесячный, или по желанию. Он просил Вас выслать ему по 25 экз. всех Ваших изданий. Если вышлете, то ничего не проиграете. Я за него вполне ручаюсь и в случае, если его дело не пойдет, я в будущем июле, проездом через Ялту, заберу у него все книги. Его условия: 40%, а для рублевых книг 30%. Пошлите ему 25 экз. Пестрых Рассказов и столько же Пальмина. Баранцевичу я буду писать особю. Если хотите, я сам буду считаться с ним. Во всяком случае напишите мне, я уведомлю его.

Кстати о Пестрых Рассказах. Я должен Вам, или Вы мне? Если второе, то не пришлете ли мне за спасение души малую толику? Я нищ и убог. Если первое, то Ваше счастье, так тому и быть.

Всем Вашим поклон. Будьте здоровы и благополучны. В Москву еду 2—3 Сент.

Ваш А. Чехов.

Пишите.

29. А. П. ЧЕХОВ — Н. А. ЛЕЙКИНУ

[1890 г.] 10 Декабря.
Москва, Малая Дмитровка, д. Фирганг.

В доказательство того, что я был на торговом Сахалине, посылаю Вам, добрейший Николай Александрович, прилагаемый при сем документ красного цвета¹. Это Вам маленький, грошовый подарок за то большое удовольствие, какое мне доставляли Ваши письма. Получил я от Вас на Сахалине 3 письма: одно от 8 июля, другое от 5-го и третье от 6-го Августа. Не отвечал на них по той причине, что ответ мой был бы получен Вами гораздо позже, чем это письмо. Почта в Сибири аспидская.

Привез я с собою материала для разговоров видимо-невидимо, так что льщу себя надеж-

дою, могу быть интересным собеседником в продолжение целого месяца. Я проехал на лошадях всю Сибирь, плыл 11 дней по Амуру, плавал по Татарскому проливу, видел китов, прожил на Сахалине 3 месяца и 3 дня, сделал перепись всему сахалинскому населению, чего ради исходил все тюрьмы, дома и избы, обедал у Ландсберга², пил чай с Бородавкинним и проч. и проч.; затем на обратном пути, минуя холерную Японию, я заезжал в Гонг-Конг, Сингапур, Коломбо на Цейлоне, Порт-Саид и проч. и проч. Морской болезни я не подвержен, а потому плавание было для меня вполне благополучным. Из Цейлона я привез с собою в Москву зверей, самку и самца, перед

¹ См. Городецкий Д. «Из воспоминаний об А. П. Чехове», — «Огонек», 1904, № 29.

которыми пасуют даже Ваши таксы и превосходительный Апель Апельч. Имя сим зрям — мангус. Это помень крысы с крокодилем, тигром и обезьяной. Сейчас они сидят в клетке, куда посажены за дурное поведение: они переворачивают чернилицы, стаканы, выгребают из цветочных горшков землю, тормошат дамские прически, вообще ведут себя, как два маленьких чорта, очень любопытных, отважных и нежно любящих человека. Мангусов нет нигде в зоологических садах; они редкость. Брем никогда не видел их и описал со слов других под именем «мунго». Приезжайте посмотреть на них.

Во все время путешествия я был здоров, в Архипелаге, где подул вдруг холод, я простудился и теперь кашляю, лихоражу и изображаю собою сплошной насморк.

Ну как Вы живете, как Ваши дела? Напишите все подробно. Напишите кстати, что это за история с рецензентами, о которой Вы сообщали в одном из своих писем? Что поделяется Билибин? Поклонитесь ему пожалуйста.

30. Н. А. ЛЕЙКИН — А. П. ЧЕХОВУ

Н. А. Лейкин

С.-Петербург

Большая Дворянская, № 12.

4 Февр. 1893 г.

Я в долгу перед Вами, добрейший Антон Павлович. Я не ответил еще на Ваше письмо от 28 Января. Я ужасно занят. Ежедневное писание рассказов, ежедневные заседания, затем разные хлопоты по устройству Литературно-Артистического Кружка, по устройству маскарада в пользу общества для пособия сценическим деятелям¹. Но сегодня выдался свободный вечерок и я принялся за писание писем.

Признаюсь, мне было обидно, что Вы уехали из Петербурга, не сообщив о своем отъезде². Положим, я не мог-бы съехать с Вами в конце Января в Москву, но сообщите Вы мне о Вашем отъезде, я повидался-бы с Вами и уговорился, когда я могу навестить Вас в Вашем подмосковном Эльдorado. А мне хочется это сделать и теперь я должен справиться письменно — могу-ли я Вас застать в усадьбе в начале второй недели поста, так как около этого времени я рассчитываю быть в Москве. У вас я могу пробыть только один день, не стесню-ли я Вас? Ведь Вы мне писали, что у Вас отец тяжело болен. В каком он теперь положении? Как его здоровье? При больном бывает, обыкновенно, не до гостей. Будьте добры ответить мне на это.

Не побываю я у Вас на второй неделе поста, мне уже не скоро собраться к Вам. В Марте я присяжный в суде и не могу выехать из Петербурга, в Апреле придется поминутно наезжать на Тосну для посевов в парниках, а в двадцатых числах и совсем перебраться на Тосну. А переберешься — жаль урваться от своего хозяйства. Остается Февраль — вторая или третья неделя поста, когда я могу побывать у Вас.

Жду ответа.

Живу я теперь на Малой Дмитровке; улица хорошая, дом особнячок, два этажа. Пока не скучно, но скука уж заглядывает ко мне в окно и грозит пальцем. Буду усиленно работать, но ведь единую работою не может быть сыт человек.

Сейчас принял касторки — Бррр!

Мороз после тропиков кажется мне стоградусным. Зябну. Поклонитесь Прасковье Никифоровне и Феде и пожелайте им всего хорошего. Если вышла у Вас в мое отсутствие новая книга, то пришлите.

Ну, будьте здоровы и благополучны, да хранит Вас небеса, не те серые, которые нависли теперь над Петербургской стороной, а настоящие, где живут святые угодники.

Ваш А. Чехов.

¹ «Документ красного цвета» — афиша.

² Ландсберг — ссыльныйоселенец, бывший гвардейский офицер, о котором Чехов рассказывает во 2-й главе «Острова Сахалина». О Ландсберге и купце Бородавкине см. в письме Чехова к Суворину от 11 сент. («Письма», III, 138).

Как насчет щенков? Сам я не берусь вести их к Вам. Но когда придет артельщик от Суворина за ними? Щенки теперь уже выросли, окрепли. Ведь они родились 11 Декабря и им сегодня исполнилось 54 дня. Братьев их и сестер мы уже раздали. Или продержат их до Марта, до более теплых дней? Морозы у нас все еще не прекращаются. Еще вчера было — 20°, сегодня — 12°. Но может-ли Суворинский артельщик доставить к Вам теперь щенков? Будет-ли он ездить в Москву? Ведь Суворин с 1 Февраля уже больше не контрагент главного общества железных дорог. Это хорошее дело его управляющие проспали и оно очутилось уже в руках Петюевского³, который набил лишние 6½ тысяч на порогах. Как тогда Вы перевезете к себе щенков?

После Вашего отъезда подзуживаю беллетристов на второй обед⁴, но как-то все не могут сговориться, да, должно быть, и не сговорятся. Жаль, что на первом обеде не были выбраны устроители второго обеда. А теперь кому взятъся за устройство этого дела, не имея полномочия?

Будьте здоровы. Желаю всего хорошего. Жена моя шлет Вам поклон.

Ваш Н. Лейкин.

¹ Обществу для пособия сценическим деятелям Лейкин уделял много внимания; в его дневниках находится много интересных записей, связанных с его работой в этом обществе.

² В Петербурге Чехов пробыл больше месяца — см. его письма из Петербурга с 18 декабря 1892 г. по 22 января 1893 г. («Письма», IV).

³ С. А. Петровский был арендатором-редактором газеты «Московские ведомости» после Каткова; вел газету в духе Каткова.

⁴ Об обеде «беллетристов» в Татьянин день Чехов писал И. Ф. Горбунову («Письма», IV, 163—164) и М. П. Чехову (IV, 164). Заметка А. П. Чехова по поводу «беллетристических обедов» напечатана была в «Новом времени» (1893, 14 янв.) без подписи; перепечатана в «Чеховском сборнике», 1929 г., стр. 20—22.

31. А. П. ЧЕХОВ — Н. А. ЛЕЙКИНУ

[1893 г.] 7 февр.
[Мелихово]

Добрейший Николай Александрович, спешу ответить на Ваше письмо.

Я никого не предупреждал о своем отъезде, иначе бы я до сегодня не уехал из Петербурга. А я очень и очень кстати уехал. Я уже писал Вам о болезни моего отца. У него боль в позвоночке и при этом онемение рук; пальцы белеют до цвета мертвечины и совершенно теряют свою чувствительность, а руки немеют и слабеют, да и вообще во всем теле слабость и чувство упадка. Боль бывает не постоянно, а припадками, на манер ангины. И так, об отце я уже писал Вам. Но ничего, кажется, не писал о сестре. В Москве я застал ее уже больною, а когда вез домой, она уже осипла до полного безголосия, 40°, боль в конечностях и проч. Как Вам сие понравится? Сначала я думал, что это тиф, ибо были предлоги для заражения сыпным тифом; я боялся и не спал ночей, но теперь слава создателю температура упала до 38° и я слышу жалобы на одну только головную боль.

Настроение в доме не масляничное, а лазаретное. Погода хорошая, но ее почти не чувствуешь.

Когда приедете в Москву на второй неделе поста, то наведите обо мне справку у брата Ивана, который живет на Новой Басманной в Петровско-Басманном училище (около части). Ежову известен этот адрес. Брат скажет Вам, где я и как ко мне проехать. Если же в ту пору и я буду в Москве, то поедем в Мелихово вместе. Примечание: каждую пятницу сестра, которая живет у брата, ездит ко мне. Вот бы Вы с ней вместе. По пятницам мои лошади бывают на станции, да и при сестре дома бывает как то сытнее и веселее. Думаю, что на второй неделе она будет уже здорова.

В февр. книжке Русской Мысли появится моя повесть, если только ее не вырежет цензура¹. Сейчас сижу и пишу, но не повесть, а медицинский отчет за прошлый год, которого я еще не сдал.

Ну будьте здоровы. С постом Вас честь имею поздравить. Поклон Вашим и той невесте, у которой 80 тысяч.

Ваш А. Чехов.

Насчет собак² напишу Суворину. Получив ответ, напишу Вам.

¹ Речь идет о повести «Рассказ неизвестного человека», напечатанной во 2-й и 3-й книжках «Русской мысли» за 1893 год.

² О доставке двух такс в Москву для Чехова.

32. А. П. ЧЕХОВ — Н. А. ЛЕЙКИНУ

[1893 г.] 16 апреля.
[Мелихово]

Вчера наконец прибыли таксы¹, добрейший Николай Александрович. Едучи со станции, они сильно озябли, проголодались и истомились, и радость их по прибытии была необычайна. Они бегали по всем комнатам, ласкались, лаяли на прислугу. Их покормили и после этого они стали чувствовать себя совсем как дома. Ночью они выгребли из цветочных ящиков землю с посеянными семенами и разнесли из передней калоши по всем комнатам, а утром, когда я прогуливал их по саду, привели в ужас наших собак-дворян, которые отрядясь еще не видали таких уродов. Самка симпатичнее кобеля. У кобеля не только задние ноги, но и морда и зад подгуляли. Но у обоих глаза добрые и признательные. Чем и как часто Вы кормили их? Как приучить их отдавать долг природе не в комнатах? и т. д. Таксы очень понравились и составляют злобу дня. Большущее Вам спасибо. На сучке ошейник с надписью. Я предоставляю Вам его в полной целости. Также предоставляю Вам и динарии, которые Вы израсходовали на пересылку собак.хлопоты Ваши, но расходы пусть будут мои.

Погода у нас возмутительная. Сегодня, например, в 6-м часу утра был мороз, ясное небо, светило солнце и все обещало хороший

день; но теперь в 8-м часу утра небо уже покрыто облаками, дует с севера и пахнет снегом. Снегу еще очень много; езда возможна только на колесах, да и то с приключениями. Не пахали и не выгоняли скота. Должно быть, скот пойдет на подножный корм не раньше мая. Целое бедствие. Солома идет по 30—33 к. за пуд. Мы продаем своим по 20, а чужим по 22, и это принимается с притирываниями по адресу благодетелей, хотя по моему 20—22 к. — цена бесстыдная. Мать и я воюем с ней, но ничего не можем поделаться.

Вы спрашиваете, когда я в Петербург? Эва! Да кто теперь в Петербург ездит? Если приеду, то не раньше зимы.

Теперь маленькое недоразумение, которое можете рассеять только Вы. Помните меня с В. В. Билибинным. Он на меня в большой обиде за то, что я будто бы в одном из своих писем спрашивал у Вас, сколько у него в настоящее время детей. Он знает, что его семейное положение мне хорошо известно, и потому запрос этот насчет детей мог понять не иначе, как в ироническом и, следовательно, обидном для себя смысле. Тут чтонибудь одно из двух: я не ясно выразился в письме и Вы меня не поняли, или же В. В. не понял Вас. Будьте добры указать ему то место, где я справлялся о

детях, или же втолкуйте ему, что он не понял Вас. Пожалуйста.

Холодно! Скучно без хорошей погоды. Читал, что Вас выбрали в гласные. Поздравляю.

Прасковье Никифоровне и Феде нижайший поклон.

Желаю Вам всего хорошего, а наипаче здравия.

Ваш А. Чехов.

¹ Подарок Лейкина — «Бром» и «Хина» («...У меня новость: две таксы — Бром и Хина, безобразной наружности собаки. Лапы кривые, тела длинные, но ум необыкновенный...» — из письма Чехова к Суворову от 28/VI 1893 г.).

33. А. П. ЧЕХОВ — Н. А. ЛЕЙКИНУ

4 Августа, 93
[Мелихово]

Большое Вам спасибо за письмо, добрейший Николай Александрович. Прочел его с большим удовольствием, ибо давно уже не получал от Вас писем, и вообще скучаю по письмам. Сам я не писал Вам так долго по той самой причине, про которую в писанин сказано: в лености житие мое иждих. Когда бывает свободный часок-другой, то норовишь уйти подальше от письменного стола, развалиться и, задрав ноги, читать что-нибудь.

У нас лето было тоже превосходное. Много тепла и много влаги. Урожай хороший. Мы сеяли рожь на 10 дес., овес на 10, клевер на 10, чечевицу на 4, гречиху и просо — понемножку, этак десятины по две, и десятину картошки. Можете же представить себе, какая жизнь кипит у меня в усадьбе и как часто приходится мне отпирать стол, чтобы доставать деньги для расплаты с косарями, девками и т. п. Строится новая кухня. Куры, утки, дворняжки, плотники, больные — настоящий Вавилон! Сенокос у нас был тоже шумный, беспокойный, с дождями и грозами. Собрали мы се на 4 тысячи пудов и испортили крови 20 пудов. Клеверу накосили чертову пропасть. Что касается огорода, то он несомненно удался в этом году. Капусту и кольрабию поразила болезнь, которая называется килой — что-то вроде саркомы корня. Вместо четырех-пяти тысяч голов капусты, как ждали, соберем всего три, да и того меньше. Но беда не в этом, а в том, что кила заразительна и что придется теперь отыскивать для капустных растений другое место, т. е. вне усадьбы, а это сопряжено с усиленным удобрением, наймом сторожа и другими расходными статьями. Сад тоже не удался. Вишен совсем не было, а яблони на половину не цвели. Крыжовнику и малины очень много, но сей товар у нас совсем не имеет сбыта, да и нет людей и времени, чтобы рвать ягоды. Груши тоже не цвели. Ни одно дерево не замерзло, но случилось другая беда. Помните, я писал Вам осенью, что посадил новый молодой сад? Представьте, зайцы сожрали все молодые яблони. Снег был высок, выше заборов, так что сад ничем не был отгорожен от поля. Для зайцев раздолье полное. В этом году не было или

почти не было фруктов, но за го поспели стручковый перец, кукуруза, томаты, поспевают дыни и даже арбузы — не в парнике, а на открытом грунте.

Лето в общем было не веселое, благодаря паршизой холере. Я опять участковый врач и опять ловлю за хвост холеру, лечу амбулаторных, посещаю пункты и разъезжаю по значным местам. Не имею права выехать из дому даже на два дня. Холеры в моем участке еще не было.

Вы удивляетесь, что я мало пишу, но ведь живу и кормлюсь я только литературой и только текущей, так как за книжки не получаю уже второй год (выручка книжная у меня идет на уплату долга). Живу я на две-три тысячи в год и перебиваюсь помаленьку, хваля бога, давшего мне возможность удалиться из города, который жрал меня. От того, что я мало проживаю, я все лето мог возиться со своим Сахалином и даже сдать его в печать и получить аванс. Появится Сахалин в Окт. книжке «Русской Мысли» и будет печататься до конца 1894 г. Написал я также небольшую повестушку¹; когда кончится холера, засяду за беллетристику, так как сюжетов скопилось целая уйма.

Таксы Бром и Хина здравствуют. Первый ленок и гибок, вежлив и чувствителен, вторая неуклюжа, толста, ленива и лукава. Первый любит птиц, вторая — тычет нос в землю. Оба любят плакать от избытка чувств. Понимают за что их наказывают. У Брома часто бывает рвота. Влюблен он в дворняжку, Хина же — все еще невинная девушка. Любят гулять по полю и в лесу, но не иначе, как с нами. Драть их приходится почти каждый день; хватают больных за штаны, ссорятся, когда едят и т. п. Спят у меня в комнате.

Желаю Вам всяких благ и хорошей погоды главным образом. У нас уже подул северный ветер.

Прасковье Никифоровне и Феде нижайший поклон.

Ваш А. Чехов.

¹ Трудно сказать, какую повесть имеет в виду Чехов; во второй половине 1893 г. им было написано только одно произведение: «Володя большой и Володя маленький» («Русск. вед.»; 1893 г., № 357).

34. А. П. ЧЕХОВ — Н. А. ЛЕЙКИНУ

[1895 г.] 16 мая.
[Мелихов.]

Дорогой Николай Александрович, я с превеликим удовольствием пустился бы с Вами в путь июня 15—20, но не найдете ли Вы возможным изменить маршрут? Дело в том, что путешествие на Валаам не всегда удастся; озеро бурно и холодно, богомольцев много, Петровский пост и проч. проч. Я же хочу сочетать поездку с терапией, так как перебои одолели меня и кашляю я так же часто, как зимой. Не поехать ли нам вместе (гидротерапии ради) в какойнибудь прибалтийский курорт? Например, в Кеммерн (40 верст от Риги)? Там купанье в заливе, ванны и проч. и проч. плюс полный комфорт и чудесное пиво, которого впрочем вы не пьете. Дешевизна и музыка. 15-го июня я поеду к Вуколу Лаврову¹ по Брестской дороге, а от него прямо в Кеммерн через Двинск; в Кеммерне или в Риге мы съедемся, обменявшись предварительными письмами или телеграммами. Пожив в Кеммерне, поедем вместе к Вам на Тосну. Если сей проект не противен Вам, то черкните.

У нас тоже не взошла сахалинская греча. Вообще в эту весну почти все семена отличаются тугою всхожестью. Сахалинскую

гречу, мне кажется, правильнее было бы сеять осенью, так как это озимое зелье. И у нас тоже первая половина мая была великолепной. Жарко было, ясно и сухо. Теперь холодно, +3. Цветут вишни и яблони. На березе появляется шелкопряд (монашенка). так что, повидимому, скоро все наши леса примут зимний вид, как это было в прошлом году.

Сестра книги давно уже получила и давно уже собирается писать Вам, но никак не соберется. Хлопочет в огороде и волнуется в ожидании утренняя.

Ночью я выпорол Брома и Хину за то, что они спали в гостиной на диване; передайте это их любезным родителям.

И так, быть может, до скорого свидания. Художнику напишу сегодня же. Будьте здоровы и благополучны. Семье Вашей посылаю сердечный привет и низко кланяюсь.

Ваш А. Чехов.

Температура к 10 часам утра поднялась до +7. Дождя нет.

¹ Лавров Вукол Михайлович (1852—1911) — издатель журнала «Русская мысль», переводчик Сенкевича и др.

35. Н. А. ЛЕЙКИН — А. П. ЧЕХОВУ

Н. А. Лейкин
С.-Петербург
Большая Дворянская, № 12

12 Ноября 1896 г.

Дорогой Антон Павлович.

Получили ли Вы от К. В. Назарьевой¹ книгу ее романа? Если нет, то это могло произойти от недоразумения, возможность которого сейчас пришла мне в голову, когда я случайно перечитал письмо Назарьевой ко мне. Дело в том, что Вы ей задала большую работу. Она сообщает мне, что роман, который Вы просите, не был напечатан отдельным изданием, но она приобретет у букинистов книжки «Наблюдателя», где роман был помещен, вырежет роман, переплетет его и пошлет Вам. В письме ко мне Вы просили передать ей, чтобы она переслала Вам роман заказной бандеролью, а переплетенные книги под бандеролью не принимаются на почте к отправке, а берутся для пересылки посылкой. Но принимаются ли на станции Лопасня посылки?

Это обстоятельство и заставило черкнуть мне Вам несколько слов.

Как Вы теперь поживаете? В письме ко мне Вы сообщали мне, что простудились, получили грипп и чувствуете жар. Поправились ли Вы теперь?

Дней десять тому назад я послал Вам два номера «Осколков» с Вашим изображением². Получили ли Вы их? Спрашиваю потому, что посланные под бандеролью номера журналов очень часто теряются.

Что Вам сказать о себе? Здоров. Печатаю сразу три книги. Одну из них сегодня уже окончил печатанием, через 10—12 дней она появится в продаже и я Вам ее вышлю. Называется она: «Среди Причта», роман.

У нас в настоящее время происходят какие-то «цензурные зверства» в Петербурге. Ни о чем нельзя печатать. В бесцензурных изданиях не дозволяют печатать отчеты о заседаниях Думы, без того, чтобы эти отчеты не были представлены в цензуру Градоначальства, а там представленные на просмотр отчеты задерживаются два и три дня. Каждый день из Гл. Управления по Делах Печати циркуляр, сообщающий, что об этом не говорить, о том не упоминать, этого не обсуждать. Редакторы не знают что делать. На юмористические журналы устремлен уж не один карандаш, а три-четыре. Я и Билибин посылаем в цензуру чуть не двойное количество оригинала для номеров, ожидая, что добрая треть будет, по совершенно независимой причине, запрещена. Так всегда и выходит. Но уж над рисунками как потешаются! Даже женщины в маскарадных костюмах не проходят, потому что эти маскарадные костюмы не скромны. Танцовщиц в балетных платьях, завязывающих себе бантики, крестя, находя, что это не скромно. Наднях у меня закрестили изображение статуи Аполлона, потому что она без одежды. Запретили мне печатать в «Осколках» ребусы и загадки на премии, тогда как я их 15 лет печатал.

Будьте здоровы. Кланяюсь семейству Вашему.

Ваш Н. Лейкин.

¹ Назарьева Капит. Валер. (1847—1900) — писательница; ее романы и повести печатались в

«Вестн. Европы», «Наблюдателе» и друг. журналах; в «Бирж. вед.» писала публицистические статьи под псевдонимом «Н. Левин».

² В № 43 «Осколков» за 1896 г. был помещен рисунок Н. Н. Амалатбекова, изображающий Чехова, летающего на чайке, а на него снизу наливаются критики.

36. А. П. ЧЕХОВ — Н. А. ЛЕЙКИНУ.

Лопасня Моск. губ. [18]96 20/XI

Дорогой Николай Александрович!

Был в Москве, потом вернулся и прочел Ваше письмо. Отвечаю Вам по пунктам.

Книгу «Надорванные силы» я получил от Назарьевой. Она была так любезна, что кроме романа прислала мне еще сборник рассказов и свои пьесы. Роман переплетен, но беспокойства Ваши оказались напрасными: у нас в Лопасно есть уже почтовое отделение, и переплетенные книги посылать под бандеролью никому не возбраняется. Статьи сказать, в Лопасно есть уже почта, есть и правительственный телеграф. Адрес мой значительно упростился: Лопасня, Москов. губ. — для писем, и просто Лопасня — для телеграмм. Скоро будет и телефон, который даст нам возможность разговаривать с Москвой.

За сим второй пункт — насчет здоровья. Простуда прошла, но насморк все еще есть. Кашляю уже давно, так давно, что уже привык не видеть в кашле ничего угрожающего. Одышки нет, ходить могу много и скоро, аппетит великолепный, работаю охотно. Не полнею.

Два экземпляра Осколков с моим изображением получил и спрятал их в свой архив. Был очень тронут. Прежде чем спрятать, показывал своим гостям, и удовольствие доставил не малое.

Вы жалуется на цензуру. Цензура становится все строже и черствее, между тем в публике ходят слухи, что все обстоит благополучно, что начинаются новые веяния; будто бы и цензура теперь легче, и дышать стало легче. Вот извольте ка понять, откуда берутся и на чем могут основываться такие толки. Мою повесть в «Ниве»¹ цензура поцарапала страсть как. Вообще, надо признаться, не весело теперь быть литератором.

Спасибо большое за обещание прислать мне «Среди Причта». Низко кланяюсь Прасковье Никифоровне и Феде, и желаю Вам всего хорошего. Крепко жму руку.

Ваш А. Чехов.

Мороз 18 гр.

¹ Речь идет о повести «Моя жизнь», напечатанной в X, XI и XII книжках ежемесячных «Литературных приложений» к «Ниве».

37. А. П. ЧЕХОВ — Н. А. ЛЕЙКИНУ.

[1897 г.] 13 Май.
[Мелихово].

Дорогой Николай Александрович, если Вы оставите для меня лайку (мужеска пола), то я буду считать себя Вашим должником по гроб жизни. Ваша лайка-тапан оценится, как Вы пишете, в конце июня, стало быть, щенка можно будет взять в августе. Я тогда пришлю за ним кого-нибудь, или сам приеду и возьму, если доктора к тому времени не заставят меня бежать в Египет.

Вчера ночью (под 13-е мая) был настоящий дождь, с шумом, с грозой — первый за эту весну. Все ожило. Ожили и надежды на урожай. Сегодня сеем клевер.

Здоровье мое ничего себе. В весе прибавляюсь, кашляю только по утрам. Если увидите

И. В. Еремеева¹, то поклонитесь ему. Мы с ним коллеги, кроме того я гостил у его родителей в Новочеркасске, был шафером у его сестры; пили цимлянское. Никакой поклон Прасковье Никифоровне и Феде. Будьте здоровы!

Ваш А. Чехов.

[На обороте секретки написано рукой А. Чехова:]

Петербург

Его Высокоблагородию
Николаю Александровичу
Лейкину

Б. Дворянская, 12.

¹ См. напечатанное выше письмо Чехова к Лейкину от 7 апреля 1887 г.

38. А. П. ЧЕХОВ — Н. А. ЛЕЙКИНУ

Лопасня Моск. губ. (18)97 — 21/V

Дорогой Николай Александрович, оставляйте мне и девочку, коли на то милость Ваша. У меня у самого мелькала мысль — попросить для развода парочку¹, но думал, что это уж слишком, в роде как бы «не по чину берешь», и не дерзнул написать Вам.

Я, кажется, совсем уже поправился, так как не чувствую себя больным, знакомые мои при встрече не всматриваются мне в лицо и бабы не причитывают, когда я хожу по деревне. Кашля почти нет и похоже, будто бактерии ушли в другое место. Не знаю, что будет осенью, а пока жаловаться не на что.

В. В. Билибин прислал мне свою книгу. Она издана изящно, не дорого, жаль только, что на обложке нет настоящей фамилии автора; говорю — жаль, потому что Диогена никто не знает и похоже, будто книгу составили два автора: И. Грэк и какой-то Диоген. Ведь *Новостей* в России не читают, это петербургская газета, и все, что в ней печатается, не делает авторам славы, так как не идет дальше Петербурга. В Москве «*Новости*» можно увидеть только в редакциях, а Диогена не знают даже в редакциях.

Погода у нас продолжает быть великолепной! Жарко, были дожди, червей на деревьях очень мало; вишен — тьма-тьмушая. Пионы цветают.

Во второй половине мая ездил кое-куда экзаменовать школьников, теперь совершенно свободен, ничего не делаю и лишь изредка навещаю на постройку новой школы, которая строится по моему плану. Я теперь в уезде что то вроде архитектора. Вот уже вторую школу строю, строил колокольню. Будьте здоровы и благополучны. Поклон Прасковье Никифоровне и Феде.

Ваш А. Чехов.

¹ В конце июля Чехов был в Петербурге и в имении Лейкина Ивановское, откуда привез в Мелихово двух сибирских ласк — «Нансен» и «Лайка» (см. «Дневник» за 1897 г.: «... 27 июля у Лейкина в Ивановском...»).